

Очень выросла посещаемость Музея. Если в 1946 г. она составила 13361 чел., то в 1947 г. она поднялась до 22 767 чел. Музей посетили 505 экскурсионных групп. Научно-просветительным отделом Музея велась большая работа по подготовке кадров экскурсоводов, а также работа со школьниками, из числа которых организована группа «Друзей музея», где проводились систематические занятия и доклады школьников. Научно-просветительный отдел совместно с научными сотрудниками Института ведет также значительную консультационную работу с посетителями по вопросам этнографии, антропологии и археологии.

Параллельно работе в Музее антропологии и этнографии шла организационная работа по созданию Ломоносовского музея при Институте этнографии. Этот Музей, осуществляющий собирание и изучение материалов, характеризующих деятельность великого русского ученого, организован в 1947 г. по постановлению Президиума АН СССР. За второе полугодие 1947 г. был проведен ряд работ по изготовлению макета химической лаборатории Ломоносова, выявлению состава его личной библиотеки, изучению данных о местонахождении неопубликованных мозаик Ломоносова, о местонахождении его усадьбы на Мойке и ряд других. Развернулась также работа по собиранию экспонатов Ломоносовского музея (книг, карт, гравюр, литографий, портретов, скульптур, мозаик Ломоносова, его личных вещей и других предметов). К январю 1948 г. Ломоносовский музей насчитывал уже 606 музейных единиц. В 1947 г. Музей начал и экспозиционную работу: в б. Мюнц-кабинете создана обстановка середины XVIII в.; к юбилейной выставке в Доме Ученых «Академия Наук за 30 лет советской власти» был подобран и экспонирован материал, показывающий работу по созданию Ломоносовского музея. Эта работа возглавляется Р. И. Каплан-Ингелем.

Деятельность Института этнографии в области научной пропаганды не ограничивалась музейной работой. Как уже указывалось, в печать была сдана для публикации в серии научно-популярных изданий работа С. П. Толстова «По следам древне-хорезмийской цивилизации», освещающая одно из наиболее значительных открытий, сделанных под руководством автора этой книги. Помимо того, в общей периодической печати (журналах и газетах) были помещены мелкие информационные заметки и статьи, освещающие различные участки работы Института. Неоднократно для широкой информации и освещения научных вопросов использовались радиопередачи. Институт осуществлял также письменную консультацию, отвечая на вопросы, задаваемые в письмах, направляемых в Институт. Особой формой научной пропаганды являлись доклады об экспедиционной работе, проводившиеся в районных, областных и республиканских центрах начальниками и членами экспедиций.

Проведенная Институтом этнографии в 1947 г. работа продолжает и углубляет принятое им направление этнографических исследований, основные положения которого сформулированы в статье директора Института С. П. Толстова «Советская школа в этнографии» («Сов. этнография», 1947, № 4).

В. И. Чичеров

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ В 1947 г.

Пятилетний план Института этнографии предусматривает широкие экспедиционные исследования в различных республиках и областях Советского Союза. Это диктуется общим направлением работ Института. Подготовка к печати этнографических монографий по отдельным народам, разработка проблем общей этнографии, вопросов этногенеза неразрывно связаны со сбором полевых этнографических материалов. Значительная часть экспедиционных работ 1947 г. явилась продолжением полевых исследований прошлых лет и носила комплексный характер. Ряд экспедиций проводился Институтом этнографии совместно с научными учреждениями союзных и автономных республик. Экспедиции работали в самых различных районах страны: от Сахалина и Камчатки на востоке до Закарпатья на западе, от Урала на севере до Памира и Южной Киргизии на юге. Помимо сотрудников и аспирантов Института в экспедициях принимали широкое участие местные работники и студенты-этнографы Московского государственного университета¹.

Наш обзор мы начнем с работ в Средней Азии. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии и Института истории материальной культуры Академии Наук СССР под руководством проф. С. П. Толстова работала в составе четырех отрядов — одного археологического и трех этнографических; в нее входили 39 человек научных и технических сотрудников (зам. начальника экспедиции М. А. Орлов, начальники этнографических отрядов: Т. А. Жданко, К. Л. Задыкина, М. В. Сазонова, художник Н. П. Толстов, научные сотрудники М. Г. Воробьева,

¹ Отчеты экспедиций 1947 г. публикуются в «Кратких сообщениях» Института этнографии, вып. V и VI.

Н. Н. Вактурская, М. А. Итина, А. А. Росляков, Т. В. Равдина, Т. Сенигова, Б. В. Андрианов, студенты МГУ, кинооператоры, пилоты, шоферы).

Археологические работы включали как стационарные раскопки ранее открытых памятников, так и широкую разведку, которая в 1947 г. охватила обширную территорию Саракамышской низины с примыкающей частью плато Устюрт и долину русла Узбой. Как и в 1946 г., были широко использованы методы разведки и съемки с самолетов и комбинированное обследование авиа- и автомобильными. Стационарные работы были сосредоточены на раскопках замка-дворца античного городища Топрак-кала, прошедшихся и в 1946 г. и ознаменовавшихся, как уже сообщалось, крупными открытиями. В 1947 г. работы были развернуты в более широких масштабах, что позволило вскрыть около 4000 кв. м площади — более 70 помещений в трех этажах дворца. Раскопки доставили обильный материал, в том числе монеты, подтверждающие датировку комплекса III — началом IV в. н. э. Во время раскопок 1946 г. во дворце были обнаружены остатки монументальной живописи. В 1947 г. открыта роспись во многих помещениях; после тщательной расчистки удалось восстановить целый ряд живописных композиций и сохранить многочисленные крупные фрагменты. Открытия 1947 г. позволили С. П. Толстову сформулировать чрезвычайно важный для понимания древнего искусства Средней Азии вывод о самостоятельном хорезмийском художественном центре, занимающем особое место среди художественных центров позднеантичного Средиземноморья и Среднего Востока². Впервые в 1947 г. была открыта во дворце Топрак-кала древнехорезмийская монументальная скульптура — целый ряд статуй из необожженной глины. Большая часть их обнаружена в обширном зале дворца, стены которого были богато расписаны. Анализ скульптурных изображений позволяет считать их, по мнению С. П. Толстова, портретной галлереей династии хорезмийских Сиявушидов III в., а дворец Топрак-кала — древней резиденцией шахов Хорезма³. На очереди стоят дальнейшие раскопки этого замечательного памятника древнего Хорезма.

Археологическая разведка позволила не только открыть целый ряд новых памятников, но внести ясность в чрезвычайно интересный для истории Средней Азии вопрос о времени существования Устюртского Узбая — каспийского рукава Аму-Дарья. В то время как географы и геологи относят существование реки Узбая к доисторическому времени, в исторической литературе, существовало мнение, что в течение XIII — XVI вв. Аму-Дарья несла свои воды по Узбою в Каспийское море. Работа экспедиции показала отсутствие на берегах Узбая следов ирригации и поселений этого периода и тем самым решила вопрос, в течение долгого времени дискутировавшийся в литературе. Мы не можем подробно останавливаться на других важных результатах археологических работ Хорезмской экспедиции и отсылаем интересующихся к публикациям экспедиции.

Этнографические работы Хорезмской экспедиции, как уже сказано, проводились тремя отрядами. Каракалпакский отряд под руководством Т. А. Жданко работал в Кегейлинском районе и имел целью обследование каракалпаков этого района, почти не затронутых этнографическим изучением. В результате проведенных работ составлена подробная этнографическая карта района, собраны очень интересные данные по заселению этой территории каракалпаками, относящемуся к началу XIX в., а также материалы по локальным этнографическим особенностям этой группы и ряд других. Особо должны быть отмечены материалы по родоплеменной структуре каракалпак, вскрывающие наличие в ней ряда архаических пережитков (дуальная организация) и позволяющие осветить некоторые вопросы их этногенеза.

Североузбекский этнографический отряд под руководством К. Л. Задыхиной продолжал изучение узбеков Кунградского и Ходжейлинского районов Каракалпакской АССР. Южноузбекский отряд под руководством М. В. Сазоновой проводил обследование в Турткульском и Шаббазском районах Кара-Калпакии и в районе г. Хива Хорезмской области УзССР. Работа этих отрядов явилась продолжением обследований прошлого года и доставила новые материалы по различным вопросам, непосредственно связанным с основными задачами экспедиции — изучением истории древнего Хорезма.

Комплексная антрополого-этнографическая экспедиция в Казахстан была организована Институтом этнографии совместно с Академией Наук Казахской ССР и включала как работников Института (начальник экспедиции Н. Н. Чебоксаров, заместитель начальника В. В. Гинзбург, научные сотрудники Г. Г. Стратанович, Е. И. Махова, И. В. Захарова), так и сотрудников Казахской Академии Наук (заместитель начальника экспедиции А. Н. Нуржанов, научные сотрудники М. Н. Кабиров, Д. Р. Рахметов, Ф. А. Аронов). Работы велись в Кегеньском, Нарынкольском, Уйгурском и Панфиловском районах. Антропологическим исследованием, которое явилось продолжением работ, начатых в Казахстане в 1946 г., охвачено около 900 казахов и 600 уйгур. Этнографические материалы по казахам собирались по широкой программе, в которой большое внимание было уделено изучению современного быта колхозной семьи,

² См. С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция ИЭ и ИИМК АН СССР 1947 года, «Известия отделения истории и философии АН СССР», 1948, № 2.

³ Там же.

новых форм хозяйства, новых типов жилища, выработавшихся в связи с переходом к оседлости, и т. д. Интересны также собранные экспедицией материалы по родословным казахов, по старым формам родоплеменных отношений, предания о происхождении отдельных казахских родов, помогающие вскрыть конкретную историю родовых подразделений внутри Большой Орды (албан, суан, дулат) и др. Ф. А. Ароновым собран фольклорный материал, в частности по фольклорной интерпретации восстания 1916 г. и по тематике Великой отечественной войны.

Обследование уйгур в Панфиловском и Уйгурском районах было проведено экспедицией впервые и в значительной степени восполнит существующий в этнографической литературе пробел. Очень интересные материалы, вскрывающие древние земледельческие традиции уйгур. Монографическое описание этого народа составит содержание диссертационной работы аспирантки Института этнографии И. В. Захаровой.

Г. Г. Стратанович проводил обследование дунган, совершив маршрут по личи: г. Джамбул — с. Джалпак-тобе — с. Пулат-кочи — с. Май-тобе — с. Кок-тобе (Киргизия). По группе джамбулских дунган сведения в литературе полностью отсутствуют. Г. Г. Стратановичу удалось собрать интересные материалы по истории этой группы, путем ее расселения, по бытовым ее особенностям. Особое внимание было уделено рисункам и орнаментике дунган. Значительная часть записей относится к социалистическому строительству у дунган джамбулской группы.

Этнографическая работа в Южной Киргизии проводилась С. М. Абрамзоном и была организована, как и в прошлые годы, совместно с Киргизским филиалом Академии Наук СССР. Поездка 1947 г. имела целью изучение быта южнокиргизских племен в высокогорном Наукатском районе. Основной темой было исследование семейно-брачных отношений. Собранные материалы позволяют установить крупные изменения, которые претерпела система брачных отношений у киргизов за последние десятилетия в результате отрицания господствовавшей в прошлом экзогамии. Генеалогические записи, материалы по терминологии родства позволили выявить племенной и родовой состав южных киргизов и зафиксировать ряд существовавших в прошлом архаических форм брачных отношений: наличие перекрестно-кузенного брака, браков на женщинах рода матери и др. Выявлены локальные особенности в различных областях хозяйства и быта изученной группы. Собранные С. М. Абрамзоном материалы в целом позволили ему сформулировать принципиально важный вывод о том, что при всем разнообразии локальных вариантов, культура киргизского народа на всей обширной территории их расселения во всех главных своих чертах едина.

Таджикская экспедиция работала в составе Н. А. Кислякова (руководитель экспедиции), С. П. Русяйкиной, Л. Ф. Моногаровой, архитектора В. Л. Ворониной и студента Ленинградского университета О. Л. Данскер в горных районах Таджикистана — в южной части Гармской области по долине р. Пянджа (Дарваз) и в Горно-Бадахшанской автономной области по долинам рек Язгулема и Ванджа. Н. А. Кисляковым в Дарвазе, Вандже и Язгулеме собирался материал для подготавливаемой им монографии «Брак и семья у иранских народов». С. П. Русяйкина продолжала изучение одежды горных таджиков в связи с завершаемой ею диссертационной работой по данной теме. Аспирантка Л. Ф. Моногарова работала стационарно среди язгулемцев и приступила к монографическому изучению этой группы, которое будет продолжено в 1948 г. В. Л. Ворониной собирался материал по жилищу горных таджиков, строительным и декоративным приемам. Современное положение населения посещенных экспедицией горных районов, в недавнем прошлом почти изолированного от внешнего мира и сохранившего много архаических черт в хозяйстве и быте, являет нам яркий пример великих достижений национальной политики нашей страны. Весь облик этих районов, ныне связанных Большим Памирским трактом имени Сталина с центром республики, изменился до неузнаваемости; горные памирские племена приобщились к общей советской культуре.

Научный сотрудник Института этнографии Е. М. Пещерева, работавшая в составе Согдийско-Таджикской экспедиции ИИМК, производила сбор этнографических материалов по современному гончарному производству Самарканда и Пенджикента и ремесленным организациям, существовавшим в недавнем прошлом в городах Средней Азии. Эти работы стоят в связи с многолетними исследованиями Е. М. Пещеревой по гончарству Средней Азии, получившими высокую оценку этнографов и археологов.

Переходим к экспедиционным работам на Кавказе. Дагестанская экспедиция продолжала свои исследования по изучению лезгин в Курахском и Ахтынском районах ДагАССР; работы проводились Л. Б. Панек, при участии художницы Т. Л. Юсепчук и студентов Московского Гос. университета, и касались различных сторон хозяйства и быта; следует отметить собранные материалы о так называемых обществах, их социальной структуре, о феодальных отношениях и т. д. Л. И. Лавров, совершивший поездку по маршруту: Махач-кала — с. Белиджи — с. Рутул — с. Ахты — Дербент, собрал материалы по этнографии рутульцев и по теме «Военное дело у горцев Северного Кавказа». В литературе имеются лишь очень краткие сведения о рутульцах — народе, живущем в 20 селениях в Рутульском районе ДагАССР (сел. Рутул, Хунок, Куфа, Фчек, Кала, Шиназ и др.). Материалы Дагестанской экспедиции восполняют этот пробел и дают возможность сделать подробное описание рутульцев. Интересны материалы, касающиеся истории рутульцев, заселения ими их нынешней территории,

которое Л. И. Лавров склонен датировать временем не ранее X—XI и не позднее XIV в.

Аспирантка Н. С. Смирнова работала в Абхазской АССР, собирая материал по социальному строю абхазцев.

Продолжала в 1947 г. свои работы и Закарпатская экспедиция Института, проводившая свой третий полевой сезон. Экспедиция в составе И. Ф. Симоненко (начальник экспедиции), аспирантки М. Н. Шмелевой и сотрудников Ужгородского историко-краеведческого музея обследовала в 1947 г. села между Ужгородом, Мукачевым и Иршавой, а также села Тячевского и Воловского округов (по долинам рек Тересва, Тересля и Рика). Имея целью монографическое описание западных украинцев, Закарпатская экспедиция ведет работу по широкой программе и рассчитана на несколько лет. Но собранные материалы позволяют уже сейчас сформулировать ряд существенных выводов. Анализ типов жилища, одежды (подробно изученной М. Н. Шмелевой, которая подготавливает диссертацию по одежде украинцев Закарпатья), материалов по семейному быту, пережиткам древних культов, топонимике и др. показывает единство в культуре закарпатских и восточных украинцев, позволяет считать Закарпатье исконной восточнославянской территорией и разоблачает «теорию» украинских националистов профашистского толка, пытавшихся оторвать Закарпатье от Украины. Очень ценны материалы экспедиции, касающиеся нового быта закарпатской деревни, прочно вступившей на путь социалистического переустройства своего хозяйства и приобщающейся к общей советской культуре.

Хоперская фольклорная экспедиция была организована Институтом этнографии совместно с Центральным домом народного творчества имени Н. К. Крупской и работала под руководством старшего научного сотрудника Института В. Ю. Крулянской с участием местных работников В. Г. Головачева и Б. С. Лащина и научного сотрудника Кабинета фольклора Московской гос. консерватории К. Г. Свитовой. Экспедиция работала в Хоперском и Урюпинском районах Сталинградской области, где ею собран очень богатый материал по народному театру во всем его жанровом многообразии, по кукольному театру, недавно еще бытовавшим в этих местах. Одновременно экспедицией была проведена значительная работа по изучению песенного фольклора Великой отечественной войны.

В связи с намечаемой в 1948 г. Институтом этнографии Северновеликорусской экспедицией в бассейне р. Онеги, научный сотрудник Г. С. Маслова совершила рекогносцировочную поездку в Каргопольский район Архангельской области, уделив основное внимание изучению одежды этого очень интересного в этнографическом отношении района.

Продолжением работ в Коми АССР, осуществленных Институтом в 1945 и 1946 гг., явилась экспедиция к коми-пермякам, которая была проведена В. Н. Белицер и имела своей основной задачей собирание материалов по вопросу о происхождении коми-пермяцкого народа и формированию его культуры. Экспедиция работала в Красновшерском районе Молотовской области и Кочевском районе, расположенном в центральной части Коми-Пермяцкого национального округа. Собраны материалы по истории местного края, расселению коми-пермяков, по материальной культуре, семейным и общественным отношениям, по фольклору. Подробно фиксировались изменения в хозяйстве, новые формы труда и быта. На очереди — изучение ивненьских пермяков южных районов Коми-Пермяцкого округа и группы юздинских пермяков Кировской области, которое предполагается провести в 1948 г.

В Сибири продолжала свои работы Северо-восточная комплексная экспедиция. Начальник экспедиции Г. Ф. Дебеч производил с ноября 1946 по июнь 1947 г. антропологические обследования на Чукотке и Камчатке по маршруту: Марково — Каменское — Парень — Рекинишки — Лесная — Палана — Тигиль — Хаприсово — Эссо — Среднекамчатск — Мильково — Крутогорово — Большерецк. Им обследованы: ламуты пенжинские и камчатские, коряки-оленьеводы пенжинские и камчатские, береговые коряки побережья Пенжинской губы и Западной Камчатки, ительмены, обрусевшие камчадалы и русские старожилы Камчатки.

Антропологическая работа на Чукотке и Камчатке поставила в качестве очередной задачи изучение народов Амура и Сахалина. В связи с этим была организована Амуро-Сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция, которая проводилась как составная часть Северо-восточной экспедиции Института. В экспедиции под руководством М. Г. Левина участвовали: И. П. Лавров — художник-искусствовед, работающий в составе Северо-восточной экспедиции на Чукотке в 1945—1946 гг., научный сотрудник Института этнографии Н. П. Дебеч и аспирантка Института А. В. Стренина. В работах экспедиции принял участие и Г. Ф. Дебеч, что обеспечило унификацию методики антропологических работ и максимальную сравнимость материалов Северо-восточной экспедиции в целом. Антропологическим обследованием были охвачены пивхи Сахалина, Амурского лимана и нижнего течения Амура, ульчи на всей территории их расселения, негидальцы, ороки Сахалина, айны. В ряде пунктов Южного Сахалина было проведено антропологическое обследование японцев. Антропологические материалы экспедиции позволили уточнить некоторые вопросы расовой систематики Восточной Азии в связи с проблемами этногенеза народов Дальнего Востока и, в первую очередь, доставили новые данные для решения так называемой айнской проблемы.

Одновременно собирался и этнографический материал, в том числе данные по современному расселению и новому быту народов Амура и Сахалина. Более подробно были изучены ульчи; А. В. Стренина в течение 4 месяцев производила монографическое описание их материальной культуры. Ею же была совершена поездка к орочам. В качестве специальной темы было поставлено изучение изобразительного искусства народов Амура и Сахалина, которое проводилось И. П. Ларовым.

Экспедицией собрана значительная этнографическая коллекция, главным образом по старой религиозной деревянной скульптуре нивхов, ульчей и айнов. Коллекция по айнам, добытая на старых айнских медвежьих молебницах Южного Сахалина, является уникальной. Доставлена также краниологическая коллекция по ульчам и негидальцам. Коллекции эти пополнили собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР.

Эвенкийская экспедиция под руководством Г. М. Василевич была организована Институтом этнографии совместно с Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории Якутской АССР и имела целью этнографическое и лингвистическое изучение эвенков, расселенных по отрогам Джугдыра к югу от р. Алдан. Работа на месте проводилась с апреля 1947 по январь 1948 г. и охватила в основном эвенков Тимптонского и частично Учурского районов Якутской АССР, а также некоторых пунктов Желтулакского и Зейско-Учурского районов Читинской области. Основной маршрут проделан Г. М. Василевич на оленях (выюком и верхом около 1600 км и на нартах около 800 км). Собранные экспедицией материалы касаются различных сторон материальной и духовной культуры почти неизученных групп эвенков; лингвистические записи позволяют дать полную характеристику говоров этих групп. Подробно описаны колхозы посещенных районов и культурное строительство в этих трудно доступных уголках тайги. На очереди стоит продолжение работы в Чумиканском районе Нижне-Амурской области.

Таков перечень полевых исследований Института этнографии в 1947 г.; сюда не включены отдельные поездки сотрудников и аспирантов, связанные с текущей работой и темами диссертаций. В кратком обзоре невозможно осветить даже основные результаты столь разнообразных и обширных по охваченной ими территории экспедиционных работ. Итогам экспедиционных исследований была посвящена специальная сессия Института этнографии, которая проводилась в Москве и Ленинграде в феврале — марте 1948 г. К сессии была организована выставка полевых материалов и собранных коллекций, привлекавшая внимание научной общественности.

При обсуждении итогов экспедиций была особенно отмечена необходимость усилить внимание к изучению новых форм хозяйства и быта народов нашей страны. Этнографическое изучение только тогда станет подлинно историческим, если оно не будет ограничиваться фиксацией архаических форм, чем так часто грешили старые работы. Каждое явление должно изучаться во всем своем многообразии, отражающем отмирание старого и возникновение и развитие нового. Изучение новых форм хозяйства, быта, культуры не должно отрываться от изучения прошлого, ибо только таким образом можно вскрыть те сложные процессы, в которых развивается социалистическая по содержанию и национальная по форме культура. Только такой подход убережет этнографов от архаизации быта, с одной стороны, и от поверхностного описания, с другой. В программах работ экспедиций 1948 г. этим вопросам уделено особое внимание.

Полевые исследования составляют неотъемлемую часть этнографической работы, и дальнейшее развитие их как в центре, так и на местах составляет важнейшую задачу научных учреждений страны.

М. Левин

ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ НА ЗАСЕДАНИЯХ СЕКТОРА ФОЛЬКЛОРА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

В течение февраля 1948 г. Сектор фольклора Института этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая провел несколько заседаний, посвященных обсуждению основных недостатков и задач современной фольклористики. На заседаниях были подвергнуты критическому рассмотрению работы проф. В. Я. Проппа, проф. П. Г. Богатырева и теоретические положения А. Н. Веселовского.

Заседание 9 февраля было посвящено обсуждению книги проф. В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», изданной в 1947 г. Ленинградским государственным университетом. С критическим разбором этой книги выступил М. М. Кузнецов, который прочитал написанную им совместно с И. П. Дмитраковым рецензию «Традиции идеалистической фольклористики в работах проф. В. Я. Проппа»¹. Все выступавшие в прениях согласились с основным положением докладчика, утверждавшего, что проф. Пропп стоит на идеалистических позициях и что его методология не имеет ничего общего с методом марксизма-ленинизма. В процессе обсуждения были вскрыты существеннейшие недостатки, присущие как этой работе проф. Проппа, так и его прежним работам.

¹ См. «Советская этнография», 1948, № 2.